

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ

© 2022 г. П. В. Васильев

*Ульяновский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации*

E-mail: vapv22031979@yandex.ru

Поступила в редакцию 21.01.2021 г.

Аннотация. В юридической науке и практике термином «правовое регулирование» часто обозначают различные явления. Это приводит к нарушению логического закона тождества и теоретическим затруднениям. В статье представлено описание четырех самостоятельных подходов к правовому регулированию: функционального, узкокибернетического, властнодеятельностного и содержательно-отраслевого. Функциональное понимание правового регулирования представляет его как разновидность воздействия права на общественные отношения, в ходе которого возникают юридические последствия, то есть изменения в правах, законных интересах и обязанностях субъектов права, узкокибернетическое — как движение управленческой правовой информации от ее генераторов к адресатам, властнодеятельностное — как деятельности властного субъекта по использованию правовых средств в рамках процедур для обеспечения наступления юридических последствий; содержательно-отраслевое — как множества текстов правовых предписаний, систематизированных по отраслевому критерию. Каждый подход имеет традицию применения. При этом функциональное понимание правового регулирования наиболее концептуально и практически обоснованно.

Ключевые слова: правовое регулирование, методологический подход, юридические последствия, функциональный подход, узкокибернетический подход, властнодеятельностный подход, содержательно-отраслевой подход, юридическая терминология, полисемия, научная проблема.

Цитирование: Васильев П. В. Правовое регулирование: проблемы понимания // Государство и право. 2022. № 11. С. 79–84.

DOI: 10.31857/S102694520013539-3

LEGAL REGULATION: PROBLEMS OF UNDERSTANDING

© 2022 P. V. Vasiliev

Ulyanovsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

E-mail: vapv22031979@yandex.ru

Received 21.01.2021

Abstract. In legal science and practice, the term “legal regulation” often denotes various phenomena. This leads to a violation of the logical law of identity and theoretical difficulties. The article presents a description of four independent approaches to legal regulation: functional, narrow cybernetic, power-based, and content-specific. The functional understanding of legal regulation presents it as a kind of impact of the law on public relations, during which legal consequences arise, that is, changes in the rights, legitimate interests and obligations of subjects of law, narrow cybernetic — as the movement of administrative legal information from its generators to addressees, power-based — as the activities of a powerful subject to use legal means within the framework of procedures to ensure the onset of legal consequences; content and industry — as a set of texts of legal regulations, systematized by industry criterion. Each approach has a tradition of application. A functional understanding of legal regulation is the most conceptual and practically grounded.

Key words: legal regulation, methodological approach, legal consequences, functional approach, narrow cybernetic approach, power-action approach, content-based industry approach, legal terminology, polysemy, scientific problem.

For citation: Vasiliev, P.V. (2022). Legal regulation: problems of understanding // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 79–84.

Термин «правовое регулирование» широко распространен в юридической науке и практике. Анализ научных юридических работ и документов показывает полисемию термина «правовое регулирование». В силу этого обстоятельство его использование часто происходит с нарушением логического закона тождества. Указанное нарушение имплицитно для автора текста, так как он в силу лексических стереотипов незаметно для себя использует терминологию по привычке, не задумываясь о смене ее значений.

Проблема нарушения закона тождества наиболее характерна для отраслевых научных юридических работ. Так, например, М.Ю. Чельшев начинает свою работу фразой: «Кроме различных отраслевых блоков *норм*, в рамках межотраслевого правового регулирования возможно существование *специальных правовых норм, оформляющих* (курсив наш. — П.В.) коллизионное регулирование»¹. Первая часть фразы основана на понимании правового регулирования как системы норм, однако окончание показывает, что нормы не образуют правовое регулирование, а оформляют его. Таким образом, в нарушение логического закона тождества даже в одной фразе заложены два самостоятельных подхода к пониманию правового регулирования — и как системы норм, и как явления, которое они оформляют.

Различное понимание правового регулирования наблюдаем также в юридических актах. Так, формально-юридический анализ текста определения Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2020 г. № 2867-О-Р «О разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 2012 года № 8-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации»»² показывает следующее. В п. 1 указанного акта сказано: «Постановлением от 27 марта 2012 года № 8-П... Конституционный Суд Российской Федерации признал пункт 1 статьи 23 Федерального закона от 15 июля 1995 года № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации»... не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку *содержащееся в нем положение — по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего нормативного правового регулирования* (курсив наш. — П.В.) — не предполагает возможности применения такого международного договора. <...> По мнению Правительства Российской Федерации..., оно... не обладает полномочиями по изменению компетенции российских судов и *может изменить предусмотренные национальным правовым регулированием правила* (курсив наш. — П.В.) только тогда, когда их установление входит в его собственную компетенцию...». Термин «правовое регулирование» использован в представленном тексте для обозначения системы нормативных правовых актов, включающей Конституцию РФ

и Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации». Это непосредственно следует из текста, в котором *правила предусмотрены национальным правовым регулированием*. Однако далее тот же правовой акт говорит о правовом регулировании, что оно может осуществляться, т.е. существовать не как нормативные предписания, а в качестве деятельности федерального законодателя как субъекта правотворчества. Это видно из следующего фрагмента текста п. 3 указанного акта: «Эти вопросы возложены на *федерального законодателя...*, который *обладает значительной дискрецией при осуществлении правового регулирования в данной сфере* (курсив наш. — П.В.)». Данный фрагмент текста показывает, что в понимании автора правовое регулирование представляет собой *деятельность субъекта правотворчества*, в то время как ранее термином «правовое регулирование» обозначен *результат данной деятельности — источник права*. Такая непоследовательность в употреблении юридической терминологии представляет собой очевидный пример нарушения логического закона тождества. Однако отметим, что из контекста правовых актов значение термина «правовое регулирование» понятно, а нарушение указанного логического закона не составляет существенной проблемы. Этого нельзя сказать о многих научных работах, авторы которых часто допускают смешение смыслов данного термина. Особенно это характерно для диссертационных юридических исследований, присылаемых на рецензирование.

Точное понимание значений термина «правовое регулирование» необходимо авторам текстов научных юридических работ и документов. Это позволит выявлять и устранять нарушения логического закона тождества как авторами самостоятельно, так и в ходе рецензирования. Полагаем, что разработка темы проблем понимания правового регулирования может способствовать повышению качества научных юридических исследований.

Таким образом, проблемы понимания термина «правовое регулирование» предопределили необходимость выявления и научного осмысления основных подходов к его использованию, сложившихся в юридической науке и практике.

Сам подход к пониманию того или иного явления (методологический подход) представляет собой дефинитивную языковую конструкцию указания более широкого по объему родового множества, к которому принадлежит изучаемое явление.

Изучение научных юридических работ и правовых документов показывает, что наиболее часто термином «правовое регулирование» обозначают *специально-юридическую форму реализации функций права*. В связи с этим предлагаем для указания на использование данного подхода к правовому регулированию термин «*функциональный подход к правовому регулированию*» (далее — функциональный подход, функциональное понимание).

В рамках функционального подхода правовое регулирование представляет собой разновидность воздействия права на общественные отношения, в ходе которого возникают правовые последствия, т.е. изменения в правах, законных интересах и обязанностях субъектов права. Изучаемый

¹ Чельшев М.Ю. Межотраслевое правовое регулирование с гражданско-правовой составляющей и коллизионное правовое регулирование: вопросы соотношения // Современное право. 2009. № 1. С. 3.

² См.: СЗ РФ. 2021 № 1 (ч. I), ст. 291.

подход разработан в научной юридической литературе весьма обстоятельно. Так, Ю.К. Толстой утверждал, что «по мнению большинства авторов, правовым регулированием охватываются все способы воздействия права на поведение людей. Именно так рассматривают правовое регулирование Н.Г. Александров, Б.С. Никифоров, С.Ф. Кечекьян, Л.С. Явич и др.»³.

Особенность указанного подхода состоит в том, что правовое регулирование представлено как составная часть более общего явления, обозначаемого термином «правовое воздействие». Последним термином принято обозначать все виды влияния права на действительность⁴.

Функциональный подход к правовому регулированию стал методологической основой для разработки проблематики устройства и функционирования механизма правового регулирования. Так, А.И. Бобылев, включая механизм правового регулирования в механизм правового воздействия, разделяет позицию М.Н. Марченко и понимает под правовым воздействием результативное, нормативно-организационное влияние на общественные отношения как системы правовых средств (нормы права, правоотношений, акты реализации и применения) и иных правовых явлений (правовое сознание, правовая культура, правотворческий процесс)⁵.

Наиболее полное и содержательное определение правового регулирования в рамках функционального подхода обнаруживаем в работах С.С. Алексеева, определившего изучаемый феномен как осуществляемое при помощи системы правовых средств (юридические нормы, правоотношения, индивидуальные предписания и др.) результативное, нормативно-организационное воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения, охраны, развития в соответствии с общественными потребностями⁶.

Функциональный подход к правовому регулированию воспринят законодательством. Нормативные правовые акты часто содержат словесные конструкции, образованные от термина «правовое регулирование». Так, например, в ст. 106 Конституции РФ установлено, что обязательному рассмотрению в Совете Федерации подлежат принятые Государственной Думой федеральные законы по вопросам финансового, валютного, кредитного, таможенного регулирования.

Полагаем, что функциональный подход к пониманию правового регулирования позволяет относительно обособить последнее от информационного и ориентационного воздействия права и отдельных правовых средств.

Но использование данного подхода сопряжено с *проблемами определения границ его полезности*. В связи с этим отдельного внимания заслуживают некоторые обнаруженные нами *попытки чрезмерного расширения функционального понимания правового регулирования*. Так, И. Быстржина и М. Лакатош определяли изучаемое явление как совокупность *всех форм* влияния права на общество, на поведение субъектов права⁷. Однако влияние права в целом и отдельных

правовых средств, в частности, может быть различным. Право и отдельные правовые средства могут функционировать, не обязательно обеспечивая реализацию регулятивной и охранительной функций права, а формировать только информационные отражения в сознании адресатов, не образуя юридических последствий. Это можно видеть в тех случаях, когда адресат обращает внимание на правовые предписания, но в последующем сразу их забывает или сознательно игнорирует. С этой точки зрения заслуживающим внимания считаем мнение В.В. Лазарева о том, что содержания понятий «правовое регулирование» и «правовое воздействие» не совпадают. Последнее включает в себя регулирование как один из способов проявления творческой роли права⁸. В связи с изложенным понимание правового регулирования, предложенное И. Быстржиной и М. Лакатош, полагаем слишком широким и непригодным для использования в научном обороте.

Таким образом, функциональный подход к пониманию правового регулирования сформирован юридической наукой, адекватно воспринят юридической практикой в тех случаях, когда речь идет о возникновении юридических последствий, но подвержен искажению посредством включения в него явлений, не относимых к специально-юридическому функционированию права.

От функционального подхода к правовому регулированию полагаем целесообразным отличать подход, основанный на передаче юридически значимой информации от управляющего субъекта к управляемым. Для обозначения данного подхода предлагаем использовать термин «*узкокибернетический подход к правовому регулированию*» (далее — узкокибернетический подход, узкокибернетическое понимание).

Узкокибернетический подход можно обнаружить в работах А.Ф. Черданцева. В рамках данного подхода правовое регулирование представлено ученым как *разновидность движения информации*. Данное движение предполагает функционирование различных генераторов информации и ее рецепторов-адресатов⁹.

Использование форм имени прилагательного «кибернетический» для обозначения этого подхода обусловлено следующим. В.Г. Афанасьев отмечал, что «заслуга кибернетики в понимании процессов управления состоит в том, что она показала огромное значение информации в управлении, неразрывное единство процессов управления и информации»¹⁰. Схема движения информации от управляющего субъекта к управляемому адресату (в терминологии кибернетического подхода это объект управления) в полной мере воспроизводит узкокибернетический подход к пониманию управления. По этой причине термин «узкокибернетический подход к правовому регулированию» уместен для обозначения данного явления в научном обороте.

Отметим, что узкокибернетическое понимание изучаемого феномена А.Ф. Черданцев использует для исследования логико-языковых феноменов в юриспруденции и не старается обосновать его универсальность. Кроме того,

³ Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л., 1959. С. 6.

⁴ См.: Механизм международно-правового регулирования: учеб. пособие / отв. ред. И.И. Лукашук. Киев, 1980. С. 5.

⁵ См.: Бобылев А.И. Механизм правового воздействия на общественные отношения // Государство и право. 1999. № 5. С. 104.

⁶ См.: Алексеев С.С. Теория права. М., 1995. С. 209.

⁷ См.: Быстржина И., Лакатош М. Некоторые вопросы правового регулирования в социалистическом обществе // Сов. государство и право. 1964. № 2. С. 15.

⁸ См.: Лазарев В.В. Сфера и пределы правового регулирования // Сов. государство и право. 1970. № 11. С. 39.

⁹ См.: Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012. С. 12.

¹⁰ Афанасьев В.Г. Научное управление обществом (Опыт системного исследования). 2-е изд., доп. М., 1973. С. 28.

самостоятельное отражение изучаемого подхода непосредственно в правовых актах нами не обнаружено.

Характерной особенностью данного подхода является то обстоятельство, что он корреспондирует сформированному отечественной юридической наукой пониманию права как явления идеального, информационного, существующего как форма социального сознания¹¹. Основой представленного подхода выступает категория «информация». Само понимание информации представляет собой существенную философскую проблему¹². Полагаем уместным понимать *информацию* в качестве идеального образования — отражения свойств отражаемых явлений на каком-либо материальном (вещь) или идеальном (сознание) носителе.

Идеальность как свойство правового регулирования в представленном подходе сближает его с юридической наукой, рассматриваемой как форма отражения политико-правовой реальности. Компоненты правового регулирования в рамках разбираемого подхода представлены идеальными объектами отражения действительности¹³.

Однако разрабатываемый А.Ф. Черданцевым подход к правовому регулированию не может быть в полной мере воспринят юридической наукой и практикой в связи со следующими обстоятельствами. Ученый поясняет, что в самом правовом регулировании отсутствует влияние материи на материю. Оно проявляется только в воздействии мысли. Указанное воздействие подкрепляется волей и сознанием субъектов права. Далее автор формулирует свои суждения в виде следующей закономерности — *если адресат представляет собой существо с ущербной волей и сознанием, то правовое регулирование его поведения ограничено или вообще невозможно*. Эта закономерность выражается в нормах о дееспособности и вменяемости адресатов нормативного правового предписания¹⁴. Как представляется, для абсолютного большинства случаев осуществления правового регулирования данное суждение справедливо. Однако такое понимание правового регулирования далеко не в полном объеме отражает правовую реальность. Например, правовое регулирование в функциональном понимании возможно не только в виде непосредственного воздействия на правовую статус адресатов. Оно способно быть опосредованным сознанием и волей других лиц. Так, например, Уголовный кодекс РФ и специализированное законодательство об оказании психиатрической помощи содержат нормы о применении принудительного лечения в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях специализированного типа с интенсивным наблюдением. Согласно ч. 4 ст. 101 УК РФ эта мера предназначена для адресатов, которые в силу своего психического состояния опасны для себя или других лиц. Закон РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»¹⁵ осуществляет правовое регулирование (в функциональном понимании

данного термина) общественных отношений, участниками которых выступают лица с серьезными расстройствами психики в случаях оказания им психиатрической помощи (ч. 1 ст. 3), меняя их правовой статус в части объема субъективных юридических прав. В силу этого обстоятельства указанные лица являются адресатами его положений. Статья 5 данного нормативного правового акта регламентирует правовой статус указанных адресатов в части субъективных юридических прав (право на уважительное и гуманное отношение, исключающее унижение человеческого достоинства, на получение информации о своих правах в доступной для них форме и с учетом их психического состояния, информации о характере имеющихся у них психических расстройств и применяемых методах лечения, на психиатрическую помощь в наименее ограничительных условиях, по возможности по месту жительства и др.).

Отметим, что система действующего российского права содержит механизмы реализации указанных субъективных юридических прав. Это случаи правового регулирования режима работы с письменными обращениями указанных лиц, которые подлежат приему, регистрации, и рассмотрению по существу. При этом ни Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»¹⁶, ни какие-либо иные источники действующего российского права не содержат предписаний относительно возможности отказа гражданину в реализации его субъективного юридического права в силу факта применения к нему ч. 4 ст. 101 УК РФ и законодательства об оказании психиатрической помощи. Кроме того, сам факт применения к указанным адресатам данной меры обуславливает возникновение одного важного особенного субъективного юридического права — права на психиатрическую помощь в наименее ограничительных условиях, по возможности по месту жительства. Характерно, что никто, кроме указанных адресатов, данным правом не обладает. Последний довод непосредственно показывает, что адресатом правового предписания может стать именно то лицо, которое имеет ущербное сознание и (или) волю, так как именно его правовой статус претерпевает изменения при осуществлении правового регулирования в функциональном смысле.

Говоря о правовом регулировании, осуществляемом указанными нормативными правовыми предписаниями, укажем на очевидное отсутствие полноценного непосредственного воздействия их на сознание и волю обозначенных адресатов (лица с заболеваниями психики). Похожее правовое регулирование можем обнаружить также в случаях доставления лиц, неспособных осознавать происходящее, осуществляемого на основании ст. 27.2 КоАП РФ. Полагаем, что представленные примеры представляют собой достаточное основание для ограничения изложенных выше суждений А.Ф. Черданцева относительно правового регулирования только случаями непосредственного воздействия на сознание и волю адресатов правового регулирования.

В связи с изложенным считаем возможным заключить, что *правовое регулирование в достаточно большом количестве реальных случаев правореализационной практики существует как влияние на правовой статус участников правоотношений, но при этом не предполагает воздействие на их сознание и волю по причине отсутствия последних*. В таких случаях правовые предписания функционируют для данных адресатов

¹¹ См.: Рабинович П. М. Право как явление общественного сознания // Правоведение. 1972. № 2. С. 106; Явич Л. С. Общая теория права. Л., 1976. С. 60.

¹² См.: Курилкина В. Н. Философский и общенаучный анализ понятия информации // Вестник СВФУ им. М. К. Аммосова. 2014. Т. 11. № 1. С. 73–77.

¹³ См.: Черданцев А. Ф. Указ. соч. С. 8.

¹⁴ См.: там же. С. 9.

¹⁵ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 33, ст. 1913; СЗ РФ. 1998. № 30, ст. 3613; 2022. № 1 (ч. I), ст. 60.

¹⁶ См.: СЗ РФ. 2006. № 19, ст. 2060.

опосредовано юридически значимым поведением других лиц, не воздействуя непосредственно на элементы их психики.

Сосредоточивая внимание на движении управленческой информации, узкокибернетический подход к правовому регулированию неизбежно концентрирует внимание на информационном воздействии правовых средств. По этой причине из фокуса внимания исследователей исчезает функционирование механизма правового регулирования в части наступления юридических последствий.

По нашему мнению, данный подход к пониманию правового регулирования уместен для исследования отдельных юридических явлений, но не может представлять собой методологическую основу для изучения наиболее общих аспектов правового регулирования и функционирования его механизма, так как не отражает возникновение юридических последствий в существенном количестве случаев юридической практики.

От функционального и узкокибернетического подходов к правовому регулированию полагаем целесообразным отличать *властнодеятельностный*.

Термин «властнодеятельностный подход к правовому регулированию» (далее — властнодеятельностный подход, властнодеятельностное понимание) непосредственно отражает существо данного подхода как *деятельности властного субъекта по использованию правовых средств в рамках процедуры для обеспечения наступления юридических последствий*.

В научной юридической литературе властнодеятельностный подход обнаружен в работах В.М. Горшенева, который видел в феномене правового регулирования государственную деятельность особого рода, заключающуюся в упорядочении общественных отношений посредством правовых норм¹⁷.

Сущность данного подхода состоит в рассмотрении правового регулирования как *деятельности* компетентного субъекта по принятию правовых нормативных управленческих решений.

Исследователи юридической деятельности указывают, что модель деятельности человека включает в себя такие компоненты, как субъект, объект, потребность, интерес, познание, эмоции, идеал, оценка, цель, средства, воля, действие, результат, самооценка и саморегулирование. Их рассмотрение имеет фундаментальное методологическое значение для концепции правовой деятельности¹⁸. Разработка властнодеятельностного подхода ведется в научной литературе с учетом достижения теории систем. Так, например, с точки зрения В.Н. Сидорова, «деятельностный подход выступает вместе с тем и как подход системный. Есть основание утверждать, что чисто деятельностного подхода вообще не существует, есть системно-деятельностный подход. Такое понимание органически вытекает из сущности деятельности как системы, в которой проявляется отношение к миру»¹⁹.

Ценность властнодеятельностного подхода к правовому регулированию состоит в том, что он позволяет увидеть и реализовать гносеологический потенциал одного из базовых методологических подходов — деятельностного.

Моделируя систему властнодеятельностного подхода к правовому регулированию, полагаем целесообразным дальнейшее совершенствование дефиниции и концептуальных основ цели правового регулирования, его субъектов и иных участников, объекта, предмета, метода, условий, средств и результатов.

Однако при допущении методологических ошибок властнодеятельностный подход к правовому регулированию может привести к смещению понимания правового регулирования с правотворчеством или даже с правообразованием. В целях предотвращения этого считаем уместным рассматривать правовое регулирование как комплексное явление, интегрирующее системы правотворчества и индивидуального правового регулирования.

Три представленные выше подхода к правовому регулированию основаны на представлении о нем как действии права и отдельных правовых средств (функциональное понимание), информации (узкокибернетическое понимание), властных субъектов (властнодеятельностное понимание). Следующий подход основан на понимании правового регулирования как множества текстов правовых предписаний, систематизированных по отраслевому критерию. В связи с этим для его обозначения предлагаем термин «*содержательно-отраслевой подход к правовому регулированию*» (далее — содержательно-отраслевой подход, содержательно-отраслевое понимание).

Именно в рамках этого подхода М.А. Аржанов определял правовое регулирование как *содержание отраслей права*²⁰. Отметим, что юридическая лексика допускает обозначение системы правовых норм термином «правовое регулирование». Заметим, что в рамках содержательно-отраслевого понимания правового регулирования сформулированы представленные выше первая часть суждения М.Ю. Чельшева и выдержки из Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2020 г. № 2867-О-Р.

Несмотря на то что лексически изучаемый подход нашел широкое распространение в юридической науке и практике, понимание правового регулирования в его рамках сопряжено со значительными проблемами.

Содержательно-отраслевое понимание правового регулирования возможно и контекстно часто обосновано, но только в тех случаях, когда, по существу, речь идет не о правовом воздействии, а о нормативной основе его осуществления.

Употребление термина «правовое регулирование» для обозначения всей системы права, отдельных ее элементов или фактически возникающих явлений сферы сущего полагаем нецелесообразным, так как это создает ситуацию правовой неопределенности, вызванную смещением правового регулирования с системой права или системой законодательства. Кроме того, в ситуации пробела в праве фактическое правовое регулирование (в функциональном понимании) часто имеет место при применении аналогии права. В таких случаях содержательно-отраслевого правового регулирования нет, но функционально оно имеет место.

Таким образом, содержательно-отраслевое понимание правового регулирования также не может быть общей методологической основой для исследования феномена правового регулирования.

²⁰ См.: Аржанов М.А. Предмет и метод правового регулирования в связи с вопросом о системе советского права // Сов. государство и право. 1940. № 8. С. 12, 13.

¹⁷ См.: Горшенев В.М. Возрастание роли общественных организаций и коллективов трудящихся в применении норм советского права на современном этапе // Правоведение. 1963. № 1. С. 5.

¹⁸ См.: Шагиева Р.В. Концепция правовой деятельности в современном обществе: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 33.

¹⁹ Сидоров В.Н. Право как феномен культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1991. С. 9.

* * *

Подводя итог, отметим, что нами выявлены четыре самостоятельных подхода к пониманию правового регулирования: функциональный, узкокибернетический, властнодеятельностный и содержательно-отраслевой.

Каждый из представленных подходов основан на традиции словоупотребления и предполагает некоторую область применения. При этом функциональное понимание правового регулирования концептуально и практически обоснованно. В связи с этим проблемы, обусловленные полисемией термина «правовое регулирование», невозможно снять путем полного отказа от использования какого-либо из выявленных подходов.

Однозначное понимание термина «правовое регулирование» позволит выявлять и устранять нарушения логического закона тождества. По этой причине считаем дальнейшую разработку темы проблем понимания правового регулирования целесообразной, так как ее результаты могут способствовать повышению качества научных юридических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С.С. Теория права. М., 1995. С. 209.
2. Аржанов М.А. Предмет и метод правового регулирования в связи с вопросом о системе советского права // Сов. государство и право. 1940. № 8. С. 12, 13.
3. Афанасьев В.Г. Научное управление обществом (Опыт системного исследования). 2-е изд., доп. М., 1973. С. 28.
4. Бобылев А.И. Механизм правового воздействия на общественные отношения // Государство и право. 1999. № 5. С. 104.
5. Быстржина И., Лакатос М. Некоторые вопросы правового регулирования в социалистическом обществе // Сов. государство и право. 1964. № 2. С. 15.
6. Горшенев В.М. Возрастание роли общественных организаций и коллективов трудящихся в применении норм советского права на современном этапе // Правоведение. 1963. № 1. С. 5.
7. Курилкина В.Н. Философский и общенаучный анализ понятия информации // Вестник СВФУ им. М.К. Аммосова. 2014. Т. 11. № 1. С. 73–77.
8. Лазарев В.В. Сфера и пределы правового регулирования // Сов. государство и право. 1970. № 11. С. 39.
9. Механизм международно-правового регулирования: учеб. пособие / отв. ред. И.И. Лукашук. Киев, 1980. С. 5.
10. Рабинович П.М. Право как явление общественного сознания // Правоведение. 1972. № 2. С. 106.
11. Сидоров В.Н. Право как феномен культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1991. С. 9.

12. Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л., 1959. С. 6.
13. Чельшев М.Ю. Межотраслевое правовое регулирование с гражданско-правовой составляющей и коллизионное правовое регулирование: вопросы соотношения // Современное право. 2009. № 1. С. 3.
14. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012. С. 8, 9, 12.
15. Шагиева Р.В. Концепция правовой деятельности в современном обществе: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 33.
16. Явич Л.С. Общая теория права. Л., 1976. С. 60.

REFERENCES

1. Alekseev S.S. Theory of law. M., 1995. P. 209 (in Russ.).
2. Arzhanov M.A. The subject and method of legal regulation in connection with the question of the system of Soviet law // Soviet State and Law. 1940. No. 8. P. 12, 13 (in Russ.).
3. Afanasyev V.G. Scientific management of society (Experience of system research). 2nd ed., supplement. M., 1973. P. 28 (in Russ.).
4. Bobylev A.I. Mechanism of legal influence on public relations // State and Law. 1999. No. 5. P. 104 (in Russ.).
5. Bystrzhina I., Lakatos M. Some issues of legal regulation in a socialist society // Soviet State and Law. 1964. No. 2. P. 15 (in Russ.).
6. Gorshenev V.M. The increasing role of public organizations and collectives of workers in the application of the norms of Soviet law at the present stage // Pravovedenie. 1963. No. 1. P. 5 (in Russ.).
7. Kurilkina V.N. Philosophical and general scientific analysis of the concept of information // Herald of Ammosov. 2014. Vol. 11. No. 1. P. 73–77 (in Russ.).
8. Lazarev V.V. Sphere and limits of legal regulation // Soviet State and Law. 1970. No. 11. P. 39 (in Russ.).
9. Mechanism of international legal regulation: textbook / res. ed. by I.I. Lukashuk. Kiev, 1980. P. 5 (in Russ.).
10. Rabinovich P.M. Law as a phenomenon of public consciousness // Jurisprudence. 1972. No. 2. P. 106 (in Russ.).
11. Sidorov V.N. Law as a phenomenon of culture: abstract ... Candidate of Philosophical Sciences. M., 1991. P. 9 (in Russ.).
12. Tolstoy Yu. K. On the theory of legal relations. L., 1959. P. 6 (in Russ.).
13. Chelyshev M. Yu. Intersectoral legal regulation with a civil-legal component and conflict-of-laws legal regulation: issues of correlation // Modern law. 2009. No. 1. P. 3 (in Russ.).
14. Cherdantsev A.F. Logical-linguistic phenomena in jurisprudence. M., 2012. P. 8, 9, 12 (in Russ.).
15. Shagieva R.V. The concept of legal activity in modern society: dis. ... Doctor of Law. M., 2006. P. 33 (in Russ.).
16. Yavich L.S. General theory of law. L., 1976. P. 60 (in Russ.).

Сведения об авторе

ВАСИЛЬЕВ Павел Вячеславович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правовых дисциплин Ульяновского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; 432071 г. Ульяновск, ул. Корюкина, д. 20
ORCID: 0000-0002-6941-9390

Authors' information

VASILIEV Pavel V. — PhD in Law, associate Professor, associate Professor of the Department of Legal Disciplines of the Ulyanovsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 20 Koryukina str., 432071 Ulyanovsk, Russia